

УДК 947

**СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И ОБЫЧАЯ
В ВОЛОСТНЫХ СУДАХ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(историография вопроса)**

Т.С. Митрофанов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье определены и рассмотрены основные этапы формирования и развития взглядов исследователей на проблему соотношения закона и обычая при отправлении правосудия в волостных судах. Приведены концепции ведущих учёных по данной проблематике со второй половины XIX в. до наших дней (С.В. Пахман, П.Н. Зырянов, Дж. Бёрбанк и др.). На основе хронологического метода выявлены основные тенденции, а также дана периодизация этапов развития историографии по рассматриваемой теме: период становления (70-е годы XIX в.– 20-е годы XX в.), советский (20–90-е годы XX в.) и современный (90-е годы XX в. – наши дни). Превалирующая в научном дискурсе с середины XIX в. точка зрения о низкой правовой культуре крестьянских судов соответствовала позиции реформаторов, исключивших волостную юстицию из судебной системы Российской империи. Однако с началом проведения обширных архивных исследований решений волостных судов тезис о правовой неграмотности крестьян постепенно утрачивает доминирующее положение в историографии. В целом проведенный анализ позволяет утверждать, что выводы исследователей второго и третьего этапа находятся в пределах концептуальной рамки, сформулированной авторами периода становления историографии.

Ключевые слова: волостные суды, крестьянское правосудие, местное самоуправление, пореформенная Россия, С.В. Пахман, Дж. Бёрбанк

Крестьянская реформа Александра II перевела миллионы крепостных крестьян в новый статус свободных сельских обывателей. Помимо этого, реформа предоставила бывшим крепостным возможность самостоятельно осуществлять правосудие по мелким имущественным спорам и незначительным проступкам в специальных учреждениях – волостных судах. В ведении суда находились споры и тяжбы между крестьянами до ста рублей включительно, споры об имуществе, входящем в состав крестьянского надела, споры по сделкам и обязательствам, а также дела по маловажным проступкам. Судопроизводство было устным, но решения суда записывались волостным писарем в специальную книгу. Судьям предписывалось склонять стороны к примирению, но если мировое соглашение не было достигнуто, то согласно ст. 107 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (далее – Положение), судьи должны

были решать дела «либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (ОП, с. 104).

В дальнейшем, после реформ Александра III и создания института земских начальников в 1889 г., обязанность волостных судов применять нормы обычного права была также закреплена в п. 25 Временных правил о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках 1889 г. (далее – Временные правила): «Волостной суд решает дела по совести, на основании имеющихся в деле доказательств. При разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, суд руководствуется местными обычаями» (ВП, с. 14). Тем не менее важно подчеркнуть, что Временные правила подразделяли крестьянские споры на гражданские дела и проступки. В соответствии со ст. 17 Временных правил проступки перечислялись в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав). Наказания для таких проступков, согласно ст. 33–36 Временных правил, применялись в соответствии с нормами Устава. Таким образом, после реформы 1889 г. волостное правосудие было частично интегрировано в общеимперское законодательство. Решения по гражданским делам по-прежнему предполагалось регулировать местными обычаями.

Несмотря на прямое закрепление в законодательстве нормы, согласно которой судьи волостного суда должны были выносить решения на основании местных обычаев и правил, в историографии, посвященной правосудию крестьян пореформенного периода, развернулись дискуссии о роли обычая и соотношении его с законом при отправлении волостного правосудия. Исследователи волостных судов задавались вопросом: чем руководствовались судьи, учитывая, что нормы обычного права в сельской местности достаточно эфемерны, а действие норм имперского законодательства лишь частично распространялось на проступки? Как будет показано далее, данная тема активно изучалась в историографии. Поскольку на сегодняшний день отсутствует полноценное исследование по обозначенной проблеме, целью статьи является обобщающий и аналитический историографический обзор. Исходя из поставленной цели в рамках задач необходимо, во-первых, выявить основные направления историографии по выбранной проблематике, во-вторых, определить хронологические этапы. Применяя хронологический принцип периодизации, нами были определены следующие этапы в развитии историографии.

Становление историографии по рассматриваемой теме началось через несколько лет после реформы – в начале 70-х годов XIX в. – после публикации в 1873 г. Трудов Комиссии по преобразованию волостных судов, также известной как «Комиссия М.Н. Любощинского». Целями комиссии, созданной с повеления Александра II, были следующие: исследование положения волостных судов; истребование отзывов и мнений лиц, которые Комиссия признает для себя полезными; рассмотрение «подлинных производства, как волостных судов, так и съездов мировых посредников и судей» (ТК, с. 1). Результатом работы Комиссии стали несколько томов отчетов, в которых были собраны статистические сведения, анализ решений и приговоров волостных судов, отзывы губернаторов

и других должностных лиц, опросы крестьян и иная информация о волостных судах.

Последующая реакция исследователей на приведенные в отчетах данные о состоянии волостной юстиции положила начало первому этапу становления историографии по интересующей нас теме, охватывающему 70-е годы XIX в. – 20-е годы XX в. Так, проанализировав Труды Комиссии по преобразованию волостных судов, С.В. Пахман, цивилист и бывший профессор Казанского, Харьковского и Петербургского университетов, в 1877 г. опубликовал фундаментальный труд по систематизации и анализу обычного права крестьян – «Обычное гражданское право в России: юридические очерки». Характеризуя нормы и правила, которые волостной суд принимал при разрешении спорных дел, С.В. Пахман, основываясь на приведенных в Трудах Комиссии опросах, выделил несколько групп ответов крестьян на вопрос: «Есть ли у вас какие-либо обычаи?» Исследователь обратил внимание на то, что большая часть крестьян отвечала: «Местных обычаев мы не знаем», «Никаких обычаев у нас нет» [1, с. 390]. Другие говорили, что «особенных обычаев нет, кроме тех, которые соблюдаются по делам семейным и при разделе наследства» [1, с. 391]. Третья группа крестьян заявляла, что «дела решаются “по справедливости”, “по убеждению совести”, “по человеку”, “по обстоятельствам”» [1, с. 391]. Анализируя четвертую группу ответов, С.В. Пахман одним из первых сформулировал проблему соотношения права и обычая в волостном правосудии: «...Весьма нередко в своих показаниях крестьяне сопоставляли обычаи с законом; при этом высказывали иногда, что суды более руководствуются обычаем, чем законом, иногда же указывали, что обычаи в силе преимущественно на сельских сходах, но чаще всего, имея в виду собственно волостные суды, заявляли, что последние решают дела не столько по обычаям, сколько по законам, причем упоминали иногда и о самом своде законов или иных уставах» [1, с. 393].

Впоследствии к Трудам Комиссии обращались и другие исследователи юридического быта крестьян. Вслед за С.В. Пахманом правоведы и государственные деятели А.П. Никольский и Н.К. Бржеский отметили ряд заявлений крестьян из разных местностей, суть которых заключалась в отрицании существования обычая. Например, А.П. Никольский среди прочего приводит такое высказывание крестьян: «Никаких местных обычаев у нас нет, и судьи таких обычаев не знают... при решении дел судьи не руководствуются местными крестьянскими обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай – где их знать» [2, с. 83]. Более того, как пишет А.П. Никольский, «сами волостные судьи заявляли, что они руководствуются при разборе дел собственным благоусмотрением, не считая обязательным для себя соотноситься с обычаями» [2, с. 84]. Отвергая главенствующую роль обычая в крестьянской правовой культуре, Н.К. Бржеский утверждает: «Отрицание наличности обычаев и как бы пренебрежительное отношение к обычному праву» свидетельствует о том, что «волостные суды в своих решениях по общему правилу руководствуются прежде всего своим благоволением, что требования обычая при этом отнюдь не являются обязательными» [3, с. 69]. Свои выводы указанные авторы аргументировали тем, что общинный строй и вековые традиции крепостного права не способствовали развитию обычного гражданского права, а обычай, сформированный в дореформенное

время, не соответствовал новым общественным и имущественным отношениям, возникшим в пореформенной крестьянской общине (см., например, [2, с. 81–82]).

Наряду с анализом Трудов Комиссии Любощинского, исследователи волостных судов сосредоточились на детальном рассмотрении статей Положения, в частности ст. 107. Некорректно оформленная мысль законодателя стала предметом обсуждения и критики со стороны ряда историков на начальном этапе формирования историографии по данной проблеме. Одним из первых авторов, обративших внимание на противоречивый характер статьи, был выпускник юридического факультета Харьковского и Новороссийского университетов, теоретик права И.Г. Оршанский. В своем исследовании 1879 г. он задавался вопросом: «Чем же должен руководствоваться волостной суд при разрешении в договорном деле тех вопросов, которые не определены договором или даже не могут быть им определяемы? Обычай применять они не в праве, ибо имеется явленная сделка. Законов же он не знает и знать не может» [4, с. 11]. Несмотря на неточность статьи, И.Г. Оршанский отмечал что «в действительности никто не сомневается в праве волостного суда применять обычаи ко всем вообще делам, в нем производящимся» [4, с. 11].

Годом позже о несовершенстве Положения писал также крупный исследователь обычного права крестьян того времени П. Скоробогатый. Анализ документа привел его к выводу, согласно которому «закон 1861 года страдает неполнотой во всех своих частях и поэтому предоставляет широкий простор обычаю в определении тех вопросов, которые им (законом) оставлены без разрешения» [5, с. 39]. Именно по этой причине, по мнению автора, волостные суды в значительной степени регулировались обычаями.

Юридическую технику ст. 107 Положения критиковал также практикующий юрист, присяжный поверенный и преподаватель крестьянского права в Петроградском политехническом институте А.А. Леонтьев. Он обращал внимание на следующее обстоятельство: «Можно, конечно, сделать основательный упрек составителям общего положения о крестьянах в неудачной редакции цитированной статьи, заключающейся в неправильно поставленном наречии “либо”. Следовало бы сказать “на основании сделок и обязательств и на основании обычаев”... Неточность статьи может породить и порождает на практике такое толкование, по которому обычаи должны быть применимы судом только при наличии тяжбы, не основанной на сделке или договоре...» [6, с. 90]. Как И.Г. Оршанский и П. Скоробогатый, А.А. Леонтьев однозначно утверждал, что «в волостном суде, учрежденным законом 1861 г., юридический обычай и правовые воззрения крестьян являются единственным источником права» [6, с. 94].

Если позиция И.Г. Оршанского, П. Скоробогатого и А.А. Леонтьева о применении обычаев в волостных судах в основном была аргументирована с точки зрения юридического анализа текста Положения, то другие исследователи пореформенного периода пришли к такому же выводу посредством восприятия волостного суда в качестве примитивной формы народного правосудия, отмечая его связь с традиционными сельскими судами. Кроме того, сторонники этой точки зрения подчеркивали низкий уровень правового сознания крестьян и их «гражданскую неразвитость» [7, с. 4]. Например, как писал Г.А. Дашкевич, наблюдавший за деятельностью крестьянского самоуправления в с. Стригово

Кобринского уезда, характерной чертой волостного суда, его основой являлось народное право – «склад житейских правовых понятий, которыми руководствуется народ данной местности, и в этом состоит существенная особенность этого патриархального суда, то есть создает внешнюю, юридическую организацию народного суда, определяет его компетенцию и порядок судопроизводства» [7, с. 3]. Другим ярким примером являются приводимые А.А. Чарушиным слова крестьян: «Мужик мужика лучше разберет»; «Барин больше по закону судит, а закон ведь не про нас писан. У нас, что ни деревня, то поверье, что ни село, то обычай» [8, с. 1].

Наряду с признанием обычая в качестве единственного источника права в волостных судах, на первом этапе развития исторических исследований по данному вопросу также высказывалось мнение, согласно которому решения в волостном суде выносились на основании закона. Выдающийся исследователь обычного права, профессор Московского университета и член редакционной комиссии по составлению проекта крестьянской реформы Н.В. Калачов писал, что судьи волостных судов опирались на нормы Свода законов, которые находил писарь: «Волостные суды, как выяснилось из ответов, данных с одной стороны самими крестьянами разных губерний, а с другой, должностными лицами, знакомыми с крестьянскими делами, представляют не коллегиальное учреждение, а почти всюду собрание неграмотных людей, опутываемых, с одной стороны, докладом дела и вставочными речами волостного старшины, а с другой – ссылками писаря на статьи свода законов, которые он приводит по своему усмотрению и надобности» [9, с. 19].

О главенствующей роли писарей в заседании волостного суда и об использовании ими законов в качестве источника для принятия решений сообщал также В.В. Тенишев. В книге «Правосудие в русском крестьянском быту» автор, ставший в конце 1907 г. депутатом Государственной думы Российской империи III созыва от «октябристов», писал: «Совещание весьма нередко происходит в присутствии писаря, который приносит с собой законы, на основании которых решается дело... Самый текст решения составляется в большинстве случаев в виде выписки из протокола заседания, после коей следует краткая мотивировка и ссылка на закон» [10, с. 167]. Согласно данным В.В. Тенишева, ссылка на местный обычай при решении дела была скорее исключением в практике волостных судов и использовалась для произвольного манипулирования исходом дела: «Существует указание на то, что некоторые суды при добросовестном решении дела всегда ссылаются на соответствующий закон, когда же судьи подкуплены и подвести желаемое решение под закон невозможно, делается почти всегда ссылка на местный обычай» [10, с. 168].

Критическое отношение к роли обычая высказывал также С.Ю. Витте, назначенный Николаем II в 1902 г. председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Изучив труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, он резюмировал: «За истекший со времени освобождения период крестьянская среда постепенно прониклась началами общегражданского права, обычай же, если они и существовали, забыты населением и, во всяком случае, затемнены практикой волостных судов. <...> Местные комитеты неуклонно указывают, что в настоящее время

в крестьянской среде твердо укоренились совершенно иные начала – тождественные с общегражданскими принципами...» [11, с. 94–96].

Второй этап развития историографии – советский (20–80-е годы XX в.) – характеризуется снижением интереса ученых к проблеме соотношения права и обычая в волостном крестьянском правосудии. Наиболее важным и, по сути, единственным исследованием за этот период является статья П.Н. Зырянова «Обычное гражданское право в пореформенной общине» 1976 г. [12]. Советские историки, изучавшие пореформенный период, занимались преимущественно социально-политической историей крестьянства. В частности, их интересовали вопросы отмены крепостного права и крестьянские движения после 1861 г. (см., например, [13–18]); процессы отправления правосудия в волостных судах оставались вне поля их зрения.

Анализируя нормы обычного права пореформенной сельской общины, П.Н. Зырянов отмечает их противоречивый, переменчивый и непоследовательный характер. Отсутствие твердых оснований обычного права, по мнению историка, стало причиной, побудившей Сенат выпустить несколько решений, целью которых было определение способов удостоверения обычая. Итогом работы Сената стали несколько решений, обозначающих способы верификации того или иного местного обычая: показания крестьян-старожилов и прочих свидетелей, удостоверения должностных лиц крестьянского управления и приговоры сельских сходов. Эти решения, как пишет П.Н. Зырянов, не достигли своей цели, и в последующих актах 1891 и 1896 гг. Сенат предоставил волостному суду право оценки по существу удостоверений схода и других документов, подтверждающих или опровергающих существование обычая. Эти решения предполагали, что волостной суд будет творить правовые нормы по своему усмотрению и под влиянием земского начальника. Автор приходит к выводу о том, что «подобное обстоятельство вело к постепенному вытеснению обычного права из практики волостных судов. При этом у некоторых должностных лиц создавалось впечатление, что обычаи вовсе исчезли» [12, с. 98]. В заключении исследователь утверждает: «Русской деревне начала XX в. уже необходимы были твердые основания писаного права» [12, с. 101]. Итогом работы П.Н. Зырянова стал анализ, показывающий поэтапное изменение роли обычая в модернизирующемся волостном суде.

Параллельно этому за рубежом было опубликовано несколько ключевых работ по исследуемой проблематике. Одной из самых первых является статья П. Чапа, изданная в 1967 г. В ней со ссылками на Труды Комиссии и работу С.В. Пахмана, утверждалось, что все дела регулировались по закону и совести («местных обычаев никаких нет, судят по закону и по совести») и лишь в нескольких случаях крестьяне упоминали «неписанные законы» [19, р. 165]. Несмотря на то что П. Чап ссылался на работу С.В. Пахмана, логика повествования статьи сводится к выводу об отсутствии в волостных судах практики применения обычая. Из четырех обозначенных С.В. Пахманом групп ответов крестьян на вопрос о наличии у них каких-либо обычаев П. Чап акцентирует внимание лишь на третьей: «Когда крестьян спрашивали об основах права, применяемого в судах, они предлагали одну из следующих формулировок: “глядя по человеку”, “согласно обстоятельствам”, “согласно склонностям и совести судьи”. Крестьяне

одной волости дали следующий ответ: суд решает дела согласно совести и не следует какому-либо конкретному обычаю» [19, р. 166].

Скептическое отношение к роли обычая в волостной юстиции также постулировал М. Левин. Он задавался вопросом, который ранее поднимали Н.К. Бржеский и А.П. Никольский: каким образом система обычного права могла развиваться в условиях крепостничества, если деятельность крестьян зависела от воли помещика? [20, р. 7]. В целом, характеризуя юридические аспекты жизни крестьян, автор отмечает дуальную правовую природу и пишет, что «сельский мир был подвергнут двойной системе статутного права, применяемого только в отношении крестьянства (крестьянское право), и неписаного, обычного права» [20, р. 3].

В последней четверти XX в. были опубликованы статьи К. Фрирсон, посвящённые проблеме соотношения обычного права и закона в волостном суде. Проанализировав дискуссии современников реформы, К. Фрирсон утверждает, что предпочтительным вариантом для Российской империи начала XX в. было привлечение крестьянства к практике формального права, но в связи с отсутствием образованных кадров, способных выполнить эту задачу, государство вернулось к системе обычного права, которая не отражала реалии сельской жизни и противоречила меняющимся социальным нормам российской деревни начала XX в. [21]. В другой статье К. Фрирсон отмечает основные аспекты развития волостного правосудия. Разработчики реформы, пишет исследователь, рассматривали волостной суд как переходную форму сельского правосудия, как шаг, направленный на развитие доверия и понимания крестьянами закона, поэтому цель реформаторов заключалась «в полной интеграции крестьянства в судебную систему государства» [22, р. 311]. По мнению К. Фрирсон, реформаторы верили, что первым шагом на пути к уважению крестьянами закона должна стать привычка урегулировать конфликты в суде, а не самостоятельно решать спор сельским сходом. В этой связи реформаторы надеялись, что обычное право сделает волостной суд более доступным для крестьян, нежели закон [22, р. 311]. Однако, ссылаясь на материалы этнографического бюро В.Н. Тенишева, К. Фрирсон пишет, что «после слушания судьи уходили в отдельную комнату в сопровождении писаря, который нес свод законов. Там они обсуждали дело и выносили решение» [22, р. 318].

Третий этап (90-е годы XX в. – наши дни) характеризуется диффузией между отечественной и западной историографией, поэтому мы будем говорить о едином пространстве историографии. Интерес исследователей к проблеме соотношения права и обычая в рамках волостного правосудия не угас и по сей день. В современной историографии содержится достаточное количество работ по интересующей нас теме, среди которых в первую очередь необходимо выделить книгу Дж. Бёрбанк “Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917”, изданную в 2004 г. [23]. Вслед за К. Фрирсон Дж. Бёрбанк рассматривает волостной суд в качестве места, в котором крестьяне учились правовой защите своих интересов. В отличие от большинства исследователей крестьянского правосудия и правосознания, Дж. Бёрбанк делала выводы, основываясь не на результатах этнографических исследований и опросах крестьян, а на изучении книг решений и журналов исполнения решений волостных судов. Проанализировав решения волостных судов Московской губернии с 1905 по

1917 г., Дж. Бёрбанк пишет, что они «основывались строго на писаном праве, изложенном в “Общем положении о крестьянах” и “Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями”. Судебные процедуры требовали соблюдения основных правил доказывания: отчет об обвинениях, показания с обеих сторон и свидетелей, подписи по показаниям и приговорам, определение причин для принятия решения и ссылки на соответствующие уставы» [23, р. 248]. Таким образом, Дж. Бёрбанк показывает несостоятельность подхода, согласно которому волостной суд рассматривался в качестве архаичной формы народного правосудия, чьи решения основывались исключительно на местных обычаях.

Следует обратить внимание на то, что на современном этапе развития историографии исследователи крестьянского правосознания и волостного правосудия сходятся во мнении о роли волостных судов как инструментов интеграции крестьян в общегосударственную систему правоотношений. Помимо К. Фрирсон и Дж. Бёрбанк, аналогичной точки зрения придерживается В.Б. Безгин. По его мнению, период со второй половины XIX в. и до начала XX в. «стал временем активного правотворчества, которое шло в направлении сближения обычая и закона, втягивало крестьян в сферу действия официального законодательства и способствовало росту правовой культуры сельских жителей» [24, с. 1379]. Как отмечает Т. Шанин, конвергенция права и обычая в сельской местности стала происходить с 80-х годов XIX в., когда начался процесс сбора информации о местных правовых обычаях. До этого времени, по мнению автора, в волостных судах господствовало обычное право и «в основу судебных решений ложилось понимание того, “что справедливо”, т. е. каков местный обычай» [25, с. 117].

Подытоживая, можно выделить несколько направлений в развитии историографии по интересующей нас теме. Первый этап развития историографии о соотношении закона и обычая в волостных судах (70-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.) начался с изучения результатов деятельности Комиссии по преобразованию волостных судов. Ключевой работой этого периода является книга С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России: юридические очерки», оказавшая влияние не только на современников, но и на дальнейшее развитие историографии. Первыми исследователями волостного правосудия были, как правило, юристы, тема соотношения закона и обычного права в рассматриваемой сфере впервые была проблематизирована правоведами в конце XIX в. В течение этого этапа было сформулировано несколько точек зрения, которые можно объединить в четыре группы. Авторы первой группы, имеющей наибольшее число сторонников, писали о главенствующей роли обычая (И.Г. Оршанский, П. Скоробогатый, А.А. Леонтьев, Г.А. Дашкевич, А.А. Чарушин). Две другие группы историков так или иначе отвергали значение обычного права, указывая при этом либо на «благоусмотрение» судьи в качестве основного фактора при вынесении решения (Н.К. Бржеский, А.П. Никольский), либо на влияние писаря волостного суда, который находил обоснование решения в статьях Свода законов (В.В. Тенишев, Н.В. Калачов). Наконец, некоторые исследователи отмечали тенденцию преобладания общегражданских принципов над обычаем в волостных судах (С.Ю. Витте).

Советский этап развития историографии (20–90-е годы XX в.) характеризуется незначительным интересом советских историков к рассматриваемой теме

и, наоборот, повышенным вниманием зарубежных исследователей. Среди ключевых авторов этого периода следует выделить советского историка П.Н. Зырянова и его американских коллег П. Чапа, М. Левина и К. Фрирсон. Наиболее влиятельной работой второго этапа, на наш взгляд, была статья П.Н. Зырянова «Обычное гражданское право в пореформенной общине». Мнение о ключевом значении обычного права при вынесении решений в волостном суде не получило широкой поддержки среди исследователей второй половины XX в.; концепция о первостепенном значении закона, напротив, оказалась востребованной историками этого периода. В частности, следует обратить внимание на созвучность выводов П.Н. Зырянова о возрастающей роли закона в крестьянском правосудии с аналогичными тезисами С.Ю. Витте. Взгляды П. Чапа, утверждавшего, что вынесение решения судьями осуществлялось в соответствии с личной оценкой обстоятельств дела, и М. Левина, который сомневался в существовании у крестьян местных обычаев, во многом соответствуют предложенным ранее выводам Н.К. Бржеского и А.П. Никольского. Мнение К. Фрирсон о роли писаря совпадает с результатами работ В.В. Тенишева и Н.В. Калачова, что, по всей видимости, объясняется использованием указанными исследователями одного и того же источника.

Наиболее заметной работой современного этапа историографии (90-е годы XX в – наши дни) является книга Дж. Бёрбанк “Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917”. Её главный вывод заключается в признании законов Российской империи ключевым источником права в волостных судах. С этим тезисом созвучны работы других современных исследователей крестьянского правосудия Т. Шанина и В.Б. Безгина.

Таким образом, на основе составленного историографического обзора можно утверждать, что проблема соотношения закона и обычая в волостном правосудии, сформулированная дореволюционными исследователями, получила свое развитие в последующей историографии. Однако советскими и современными историками не было предложено принципиально иных, отличных от концепций первого этапа интерпретаций феномена волостной юстиции.

Источники

- ОП – Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости / Сост. Н. Макшеев. – М.: Типо-литограф. Кушнерева, 1899. – 317 с.
- ВП – Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / Сост. С.Ф. Логинович. – Тамбов: Тип. Губерн. правления, 1894. – 92 с.
- ТК – Труды Комиссии по преобразованию волостных судов (Словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения: волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий): в 7 т. – СПб., 1873. – Т. 7: Отзывы различных мест и лиц. – 640 с.

Литература

1. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: юридические очерки: в 2 т. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1877. – Т. 1. – 447 с.

2. *Никольский А.П.* Земля, община и труд: Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902. – 195 с.
3. *Бржеский Н.К.* Очерки юридического быта крестьян. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1902. – 185 с.
4. *Орианский И.Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. – СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1879. – 455 с.
5. *Скоробогатый П.* Устройство крестьянских судов; Устройство волостных судов: Обычные формы крестьянского суда. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1880. – 68 с.
6. *Леонтьев А.А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. – СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1895. – 140 с.
7. *Дашкевич Г.А.* О волостном суде и его реформе: из наблюдений над крестьянским самоуправлением. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1885. – 109 с.
8. *Чарушин А.А.* Волостные суды в бытовом их освещении. – Архангельск: Губерн. тип., 1912. – 13 с.
9. *Калачов Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1880. – 22 с.
10. *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. – Брянск: Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 200 с.
11. *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1904. – 106 с.
12. *Зырянов П.Н.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. – Вологда: Изд-во ВГПИ, 1976. – Вып. 6. – С. 96–98.
13. Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. 1 и 2. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. – М.; Л.: Изд-во и Вторая тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 368 с.
14. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968. – 369 с.
15. *Брусникин Е.М.* Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80-е – 90-е гг. XIX в.) // Вопросы истории. – 1970. – № 2. – С. 34–47.
16. *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 гг. XIX в.). – Л.: Наука, 1972. – 226 с.
17. *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. – М.: Наука, 1980. – 239 с.
18. *Шевченко М.М.* История крепостного права в России. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 256 с.
19. *Czap P.* Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861–1912 // J. Soc. Hist. – 1967. – V. 1, No 2. – P. 149–178.
20. *Lewin M.* Customary law and Russian rural society in the post-reform era // Russ. Rev. – 1985. – V. 44, No 1. – P. 1–19. – doi: 10.2307/129255.
21. *Frierson C.A.* Rural justice in public opinion: The volost' court debate 1861–1912 // Slavon. E. Eur. Rev. – 1986. – V. 64, No 4. – P. 526–545.
22. *Frierson C.A.* 'I must always answer to the law...' Rules and responses in the reformed volost' court // Slavon. E. Eur. Rev. – 1997. – V. 75, No 2. – P. 308–334.
23. *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. – Bloomington; Ind.: Indiana Univ. Press, 2004. – 374 p.

24. *Безгин В.Б.* Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // *Право и политика.* – 2013. – № 10. – С. 1373–1380.
25. *Шанин Т.* Обычное право в крестьянском сообществе // *Общественные науки и современность.* – 2003. – № 1. – С. 116–121.

Поступила в редакцию
16.02.18

Митрофанов Тимур Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: timur.mitrofanov@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 3, pp. 643–655

**Correlation of the Law and Customs in Volost' Courts
of the Post-Reform Russia (Historiography of the Problem)**

T.S. Mitrofanov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: timur.mitrofanov@gmail.com

Received February 16, 2018

Abstract

The main stages of formation and development of views on the problem of correlation between law and customs in volost' courts of post-reform Russia (1861–1917) have been determined and considered. The concepts introduced by the leading scholars since the second half of the 19th century up to the present time (S.V. Pakhman, P.N. Zyryanov, and J. Burbank) with regard to the problem under study have been discussed. Using the chronological method, the main tendencies have been revealed and the following periods have been identified within the stages of historiography of the problem: the period of formation (1870–1920), Soviet period (1920–1990), and modern period (1990 – up to date). The point of view about the low level of legal culture in peasant courts, which prevailed in the scientific discourse since the middle of the 19th century, was in line with to the position of reformers, who excluded volost' courts from the judicial system of the Russian Empire. However, when extensive archival research of volost' courts decisions began, the idea about legal illiteracy of peasants gradually became less prevalent in historiography. All in all, the performed analysis shows that the conclusions of scholars of the second and third periods are in the conceptual framework created by authors of the period of historiography formation.

Keywords: volost' courts, peasant justice, local government, post-reform Russia, S.V. Pakhman, J. Burbank

References

1. Pakhman S.V. *Obychnoe grazhdanskoe parvo v Rossii: Yuridicheskie ocherki* [The Customary Civil Law in Russia: Legal Essays]. Vol. 1. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otd. Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1877. 447 p. (In Russian)

2. Nikol'skii A.P. *Zemlya, obshchina i trud: Osobennosti krest'yanskogo pravoporyadka, ikh proiskhozhdenie i znachenie* [Earth, Community, and Work: The Specifics of Peasant Legal Order, Their Origin and Importance]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1902. 195 p. (In Russian)
3. Brzheskii N.K. *Ocherki yuridicheskogo byta krest'yan* [Essays on the Legal Life of Peasants]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbaum, 1902. 185 p. (In Russian)
4. Orshanskii I.G. *Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu* [Studies in Russian Law, Customary and Marital]. St. Petersburg, Tip. A.E. Landau, 1879. 455 p. (In Russian)
5. Skorobogatyi P. *Ustroistvo krest'yanskikh sudov; Ustroistvo volostnykh sudov: Obychnye formy krest'yanskogo suda* [The Structure of Peasant Courts; The Structure of Volost' Courts: Customary Forms of Peasant Court]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova i K^o, 1880. 68 p. (In Russian)
6. Leont'ev A.A. *Volostnoi sud i yuridicheskie obychai krest'yan* [Volost' Court and Legal Customs of Peasants]. St. Petersburg, Izd. Yurid. Kn. Magazina N.K. Martynova, 1895. 140 p. (In Russian)
7. Dashkevich G.A. *O volostnom sude i ego reforme: iz nablyudenii nad krest'yanskim samoupravleniem* [On the Volost' Court and Its Reform: from Observations of Peasant Self-Government]. Vilna, Tip. A.G. Syrkina, 1885. 109 p. (In Russian)
8. Charushin A.A. *Volostnye sudy v bytovom ikh osveshchenii* [Volost' Courts in Domestic Coverage]. Arkhangel'sk, Gubern. Tip., 1912. 13 p. (In Russian)
9. Kalachov N.V. *O volostnykh i sel'skikh sudakh v drevnei i nyneshnei Rossii* [On Volost' and Rural Courts in Ancient and Modern Russia]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1880. 22 p. (In Russian)
10. Tenishev V.V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in the Life of Russian Peasants]. Bryansk, Tip. L.I. Itina i Ko, 1907. 200 p. (In Russian)
11. Witte S.Yu. *Zapiska po krest'yanskomu delu* [A Note on the Peasant Case]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1904. 106 p. (In Russian)
12. Zyryanov P.N. Customary civil law in the post-reform community. *Ezhegodnik po Agrarnoi Istorii*, 1976, no. 6, pp. 96–98. (In Russian)
13. *Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 godu posle otmeny krepostnogo prava* [The Peasant Movement in 1861 Following the Abolition of Serfdom]. Pts. 1 and 2: Reports of suite generals and adjutants, provincial prosecutors and county solicitors. Moscow, Leningrad, Izd. i Vtoraya Tip. Izd. Akad. Nauk SSSR, 1949. 368 p. (In Russian)
14. Zaionchkovskii P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Prosveshchenie, 1968. 369 p. (In Russian)
15. Brusnikin E.M. The peasant problem in Russia during the period of political reaction (1880s – 1890s). *Voprosy Istorii*, 1970, no. 2, pp. 34–47. (In Russian)
16. Chernukha V.G. *Krest'yanskii vopros v pravitel'stvennoi politike Rossii (60–70 gg. XIX v.)* [The Peasant Problem in the Government Policy of Russia (1860s–1870s)]. Leningrad, Nauka, 1972. 226 p. (In Russian)
17. Anfimov A.M. *Krest'yanskoe khozyaistvo Evropeiskoi Rossii, 1881–1904* [Peasant Household in European Russia, 1881–1904]. Moscow, Nauka, 1980. 239 p. (In Russian)
18. Shevchenko M.M. *Istoriya krepostnogo prava v Rossii* [The History of Serfdom in Russia]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1981. 256 p. (In Russian)
19. Czap P. Peasant-class courts and peasant customary justice in Russia, 1861–1912. *Journal of Social History*, 1967, vol. 1, no. 2, pp. 149–178.
20. Lewin M. Customary law and Russian rural society in the post-reform era. *The Russian Review*, 1985, vol. 44, no. 1, pp. 1–19. doi: 10.2307/129255.
21. Frierson C.A. Rural justice in public opinion: The volost' court debate 1861–1912. *The Slavonic and East European Review*, 1986, vol. 64, no. 4, pp. 526–545.
22. Frierson C.A. 'I must always answer to the law...' Rules and responses in the reformed volost' court. *The Slavonic and East European Review*, 1997, vol. 75, no. 2, pp. 308–334.
23. Burbank J. *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington, Ind., Indiana Univ. Press, 2004. 374 p.

24. Bezgin V.B. Legal customs in the daily consciousness and life of Russian peasants during the second half of the 19th – early 20th centuries. *Pravo i Politika*, 2013, no. 10, pp. 1373–1380. (In Russian)
 25. Shanin T. Customary law in the peasant community. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 2003, no. 1, pp. 116–121. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Митрофанов Т.С. Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 643–655. ⟩

⟨ **For citation:** Mitrofanov T.S. Correlation of the law and customs in volost' courts of the post-reform Russia (historiography of the problem). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 643–655. (In Russian) ⟩